

ФИГЛЬ-МИГЛЬ

ЭТА СТРАНА

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Список сокращений

БО	Боевая организация
ВКП (б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВМН	Высшая мера наказания
ВЦИК	Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК	Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГБ	Государственная безопасность
ГПУ	Государственное политическое управление
губзо	Губернский земельный отдел
ГУЛАГ	Главное управление исправительно-трудовых лагерей
ДП	Департамент полиции
ЗБ	Заграничное бюро ЦК РСДРП
ЗД	Заграничная делегация ЦК ПСР
ИКП	Институт красной профессуры
КРТТД	Контрреволюционная террористическая троцкистская деятельность
МФАГ	Московская федерация анархистских групп
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел

ОГПУ	Объединённое государственное политическое управление
ПЛСР	Партия левых социалистов-революционеров
ПСР	Партия социалистов-революционеров
РАПП	Российская ассоциация пролетарских писателей
РНП	Российская национальная партия
РНСМА	Русский народный союз Михаила Архангела
РОПКП	Российская организация пролетарско-колхозных писателей
РСДРП	Российская социал-демократическая рабочая партия
РФО	Русское философское общество
СОО	Секретно-оперативный отдел
СПО	Секретно-политический отдел
ССРМ	Союз социалистов-революционеров максималистов
ФАК	Федерация анархистов-коммунистов
ЦК	Центральный комитет
ЦЧО	Центрально-Чернозёмная область

Начнём, благословясь.

В мутный, мгlistый февральский день секретного года президент Российской Федерации сидел в одном из своих кабинетов и обречённо изучал документы, собранные в трёх папках: в серой – отчёт о демографической ситуации в России (результаты переписи, графики, прогноз), в чёрной – служебная записка о положении дел на границе с Китаем, в гнетуще-красной – строго научный и при этом чудовищный доклад некоего Фёдорова «Философия общего дела». От всех трёх веяло апокалипсисом, но президент никак не мог решить, перевешивает в этом отношении красная папка остальные или наоборот. Он перевёл взгляд на главу президентской администрации, сосредоточенно обрывавшего герань в горшке на подоконнике.

– Расскажи мне об этом Фёдорове.

– Таких называют «одиноким мыслителем», – сказал глава, собравшись с мыслями. – Не замечен вообще ни в чём. Чтобы там по митингам бегать,

о властях высказываться... Да у него даже аккаунта в «Твиттере» нет. Работает библиотекарем. Живёт на зарплату.

– Не доверяю я этим аскетам.

– Он никогда не носит шубу.

– Не носит шубу? – переспросил президент. – То есть она у него есть?

– Он считает, что человек должен восстановить свою власть над собственным телом... во всей его, гм, космической мощи.

– Подожди, – сказал президент, – ты меня совсем запутал. Если он не носит шубы, потому что у него её нет, так в этом нет ничего особенного.

А если есть и не носит – –

– То это уже принцип.

– Высокомерие это, а не принцип. Герань не трогай.

– Фёдорова интересуется не столько полнота лиц, сколько полнота поколений. Только нация в её полном... гм, объёме... сможет ответить на вызовы истории.

– Я тоже не ношу шубу.

– У тебя-то шуба есть?

– Не знаю. Если положено, то, наверное, есть...

А что значит «полнота лиц»? В смысле поперёк себя шире?

– Никогда не понимал этого выражения.

– Так говорят, когда будка шире плеч. Вот эта, полнота лица.

– То есть «будка» как часть в целое «себя» уже не входит? Плечи отдельно, будка отдельно?

– Поперёк себя всего остального. Давай дальше.

– Фёдоров говорит, что пассивное отношение к жизни нужно заменить проективным. Ты знаешь, что такое трудовой проект?

– Нанотехнологии?

– Нанотехнологии. Философ Фёдоров изобрёл способ воскрешать мёртвых.

– Ну да, я так и прочёл. Подумал, типа метафора.

– Это не метафора. Это активное преодоление неправды смерти.

– ...

– ...

– И это можно?.. Преодолеть?

– Можно, можно.

– И мёртвые воскреснут?

– Воскреснут.

– И вот он философией возьмёт и воскресит?

– Не только философией. Но да, главным образом.

– Я не понимаю, как это работает.

– Тебе и не нужно понимать. Ты будешь иметь дело с результатом.

– Ты сам-то понимаешь?

– ...

– Что такое «активное преодоление неправды смерти»?

– А что тут непонятного?

– Ну, слова-то понятные. Но я не понимаю. Оставь в покое мои цветы.

– ...

– Почему смерть – это неправда? Очень даже правда. Самое правдивое, что есть.

– Он под неправдой имеет в виду не ложь, а неправоту. – Глава президентской администрации

исподтишка потянулся к герани, но передумал. –
Впрочем, и ложь тоже.

– Но смерть не лжёт.

– Лжёт, лжёт. Смерти вообще нет.

– Ах, ну если ты в этом смысле...

– Для начала это будут жертвы репрессий в советское время. Расстрелянные и умершие в заключении. Так сказать, генофонд.

– А военные потери?

– Только те, что от своих рук.

– То есть власовцы?

– Почему сразу власовцы. От заградотрядов много людей погибло.

Какое-то время оба молчали.

– Что, – сказал президент, – всех-превсех? И Сталина?

– Нет, – сказал глава президентской администрации. – Если воскрешать Сталина, то какой тогда смысл воскрешать остальных? Я составляю список неподлежащих.

– А Троцкий-то!

– Не беспокойся. Списки тщательно проработают. Никаких пассионарных вождей.

– Тухачевского тоже не хочу.

– Хорошо.

– А самоубийц?

– Самоубийц воскресим. Мало ли по каким причинам им жить разонравилось. А если не понравится и теперь, они всегда смогут покончить с собой заново.

– Да... Тут уж какая судьба у человека. Никакой Фёдоров не поможет.

– Он так не думает.

– ?

– Фёдоров ненавидит судьбу. А amor fati считает вершиной безнравственности.

– Что так?

– Поставь себя на его место.

– Куда?

– Куда, куда. В библиотеку.

– Не сходится. Именно библиотекари своей судьбой должны быть довольны. Зачем иначе выбирать такую профессию?

– Он её выбрал ещё до смены эпох.

– При чём тут смена эпох? Библиотека – в любую эпоху библиотека. В углу за печкой. И вообще как-то странно... от цветов отойди!.. странно, что вот такой... и хочет вот такого...

– Это называется «одинокая мечта об общем деле». Сам сидит в углу, но хочет соборности.

– Вот-вот, с чего бы?

– Мы сейчас все её хотим.

– Все, кроме библиотекарей.

– ...

– И почему он так упёрся в эту шубу?

– Извини, но в эту шубу упёрся как раз ты.

– Мне интересно.

Президент взял и просмотрел протянутый glavой предварительный список неподлежащих воскрешению.

– А Кирова за что?

– Это личное.

– А царскую семью?

– А вот это – в интересах государства.

– Ладно, ладно. Сталина точно не будет?

– Исключено. И в конце-то концов, Сталин умер своей смертью.

– Гм, – сказал президент, – темна вода во облацех... А что Церковь?

– Церковь на словах сейчас против. А по факту куда ей будет деваться? Сто тысяч священников помимо прочего.

– Сто тысяч? Послушай, а у нас вообще-то есть какие-нибудь достоверные цифры?

– Ну что ты как маленький, какие достоверные цифры? Воскресим и посчитаем.

– А предварительно посчитать никак нельзя? Ведь существуют расстрельные списки.

– Существуют. По некоторым годам даже сводные данные есть. В 1930-м к высшей мере наказания приговорены 20 201 человек, из них тройками ОГПУ, за участие в крестьянских волнениях, почти 19 тысяч. В 1936-м – 1118. В 1937-м и 38-м – 353 074 и 328 618 соответственно. Если предположить, сопоставить и округлить, за все годы советской власти выйдет около миллиона.

– Вот видишь.

– Не вижу. Это только ВМН. А те, кто в процессе умер? Это троцкистов можно посчитать или писателей, а крестьян когда кто считал? Возьми хоть спецпереселенцев: с 1932-го по 1940-й через спецпоселения прошло 2 миллиона 176 тысяч человек. Умерло 390 тысяч, бежало и не найдено – до 600 000. А почему я сказал «с 1932-го», если ссылать начали в тридцатом? Потому что отсутствует за тридцатый и тридцать первый точная статистика. Раз уж учёт не был налажен, то что там было налажено вообще? Полюбуйся, что мне пишут: «Можно предположить, что число бежавших и умерших доходило до 50% от общего

числа выселенных». А это, между прочим, миллион человек за два года.

– ...

– А смертность в ГУЛАГе? А голод? Как голод считать? Пожалуйста: голод 1921–22 гг. Советская статистика даёт миллион погибших, самые радикальные современные историки – до восьми миллионов. Голод 1932–33: суммарно по СССР шесть миллионов. Из них Поволжье – один миллион человек, Казахстан – до двух миллионов, Украина – –

– Стоп-стоп-стоп! Давай-ка в существующих границах.

– Как угодно. Усвой одно: ты просишь цифр, а тебе дают и будут давать только расхождения в цифрах. Это не злой умысел. Такова природа всех подсчётов. Чем больше считаешь, тем сильнее запутываешься.

– Не злой умысел, как же. Почему со мной никто не хочет по-человечески? Считают, как хотят, а я получаю по вопросу все бумажки, кроме какой-нибудь окончательной. Сотни, тысячи и до фига. И всем подпиши... Сколько это примерно в миллионах?

– В миллионах примерно не меньше трёх, не больше десяти.

– К нам таджиков больше приезжает.

– Вот и вопрос с таджиками наконец закроем.

– ...

– ...

– А почему мы не берём погибших на войне?

– Потому что тех цифр не осилим точно.

– А если только Гражданскую?

– 7–12 млн. Плюс вероятность, что эта война немедленно возобновится.

– Я, вообще говоря, сомневаюсь, что троцкисты были таким уж генофондом.

– ...

– И вот ещё что... Воскрешайте трудоспособное население. Ну и детей, конечно. Дополнительных пенсионеров бюджет просто не потянет.

– Да те-то, наверное, и не слышали, что бывают пенсии.

– А теперь по сторонам посмотрят и услышат. Не надо.

– Боишься, что возьмут судьбу в руки?

– Я про это смешную поговорку знаю.

– Я её тоже знаю.

– А Фёдоров не знает?

– Фёдоров философ. Его, если не хочет, знать не заставишь.

– То есть он знает, но игнорирует?

– Игнорировать – это когда знаешь, но делаешь вид, что не знаешь. Это простому человеку придется игнорировать: тебе, мне... А философы плевать хотели на всё, что не входит в их картину мира.

– Но чтобы на что-то плюнуть, нужно знать, куда плюёшь.

– Ну да... Но это чтобы плюнуть и попасть. Они плюют так, в пространство. В котором нет ничего, ими не предусмотренного.

– Тогда и плевать нет?

– Плевков как раз единственное, что есть. Ты подписал?

– Некромантия какая-то, – сказал президент, опасливо разглядывая красную папку. – Не могу я. Давай пошлём запрос в Академию наук.

– А то мы не знаем, что Академия наук ответит.

Президент РФ не был трусом. Он не был даже тем лукавым и слабым властителем, каким любили его рисовать политические оппоненты.

– Может, всё-таки шарлатан? – спросил президент с надеждой.

– Он не шарлатан, – сказал глава президентской администрации сурово. – К сожалению. Ты вот это, про Китай, внимательно читал? Давай, подписывай.

И на докладе «Философия общего дела» появилась виза «к исполнению».

Где-то через полгода, уже осенью, Саша Энгельгардт, доцент Санкт-Петербургского полигуманитарного университета, поехал в город Филькин на междисциплинарную конференцию «Смерть здравого смысла», послушать и доложить о заколдованных герменевтических кругах, по которым мучительно бегут друг за другом имплицитный читатель и авторская интенция.

Филькин был маленький город, зато на холмах. Как Рим.

Там были улицы с каменными домами, улицы с деревянными домами. И центральная площадь – со всем, что положено, собором и памятником Ленину. Лестницы и лесенки. Парк. Улицы карабкались и петляли по холмам, а между холмами петляла речка – робкий и мутный приток притока Волги. Над почерневшими и кривыми деревянными заборами вздымались прекрасные старые яблони, над яблонями – ободранные стены полуразрушенных церквей, их чёрные купола, над куполами – многоцветное небо. Куда деться уездному городу из-под копыт

истории? И чьи копыта не вязли в этих суглинках? Саша смотрел на неспешных прохожих в среднерусской одежде типа «и в мир, и в сортир», смотрел по сторонам на всё замученное и родное – и чувствовал, как его отпускает. Спасибо осенней гари в воздухе, осеннему счастью сознавать, что всё закончилось; сил уже нет, но они уже не нужны. Всё закончилось, прошло; наконец-то можно опустить руки, не стыдно умереть. Упасть вместе с листьями. Не удивительно, что наши лучшие писатели любили осень. И, подумав про лучших писателей, доцент Энгельгардт поджал губы.

Каким он был человеком? Он жил (и подозревал, что так и умрёт) в кругу передовых интеллигентных людей и их представлений о благоустроенном обществе: мраморная говядина, евроремонт, культурка по ТВ и вежливый полицейский на улице. Когда эти люди и представления требовали, он осуждал либо выступал в поддержку, не сознавая, что и те, кого он осуждает, и те, кого поддерживает, держиморды и демократы, давно слиплись для него в один неприятный ком. Он делал, что положено: писал докторскую, купил машину. В глубине души Саша не понимал, зачем ему машина вообще, но все вокруг по умолчанию считали этот предмет важной жизненной целью. Как купить; что покупать; тонкости эксплуатации; энергичное обсуждение дорог и всего, что на дорогах, – теперь, по крайней мере, он мог поддержать разговор в преподавательском буфете. В этой машине, уже по собственной инициативе, Саша слушал радиостанцию, на которой немало внимание уделялось новостям рынков, биржевой хронике, акциям, корпорациям и финэксперти-

зе. Он жалостливо полюбил прогнозы экспертов и привык к загадочному словосочетанию «высокотехнологичный наздак». (Пленял не идущий к делу отголосок наждака, пиджака и школьных дней вопля «херак! херак!». И так жее вышло с рекламой каких-то фильтров: «Внешне вода может быть мягкой, а вы знаете, какая она на самом деле?», – та звучала как стихи, бессмысленные и властные. Саша порою гадал, что означает для воды быть мягкой «внешне» – на ощупь, наверное? – но быстро отступался.) Главное, здесь не было рубрики «разговор с психологом». На остальных радиостанциях сидело по психологу (энергичные тётки и всёпонимающие парни), каждого из которых хотелось убить. Точнее так: убивать, садистски изощрённо и долго. Энергичные тётки! всёпонимающие парни! Их задушевные интонации усиливались, когда речь заходила о сексуальных отклонениях, и начисто пропадали, едва на арене появлялись депрессии. Депрессиям (диким зверям), в отличие от отклонений (милых зверушек), психологи не оставляли шанса: душили их, рубили, травить медикаментозно. Потому что (по ряду причин Саша это понимал, и не один он был такой) фетишизация белых носочков во всяком случае способствует продажам трикотажа, а усталость и тоска от жизни каким-либо продажам, кроме разве что продаж алкоголя и наркотиков, наносит урон... так что пусть покупают антидепрессанты и воскрешают в себе потребность покупать всё остальное – носочки так носочки. Бизнес самих антидепрессантов тоже, кстати сказать, не последний. Может, и попервое наркотиков. Ах, тошно, тошно.

Но никогда, ни разу, не поглядел он в зеркало и не сказал: ты сам во всём виноват, скотина.

Каким он был филологом? Он не краснея говорил и писал по сто раз на дню «иллокутивный акт, осуществляемый актом высказывания». От постоянного повторения слова «акт» Сашина умственная жизнь текла в каком-то квазиэротическом, квазисудебном мареве, когда к половым и подзаконным актам добавляется кое-что и понемногу из классиков, а от акта дефекации мысль ассоциативно, естественным образом, переходит к современному искусству. А ещё в его сознании «точка бифуркации» нераздельно и неслиянно соединялась с «точкой джи», и обе казались пунктуацией в надписи на воротах ада.

Собственно в своём предмете он понимал отдельные слова, но не смысл, образуемый их сочетанием, и по наитию вставлял «контрдискурс», «пре-суппозицию» и «имплицитно» (*«Когда не знаешь, что сказать, говори: “имплицитно”*») везде, где чувствовалось интонационное зияние. К счастью, те, кто его читал, были такие же, как он.

Что они все умели по-настоящему, так это правильно позиционировать себя и свои труды на научном рынке. Слово «креативность» в ходу не только у сутенёров: подавать и продавать продукт научились все, кто чаёт достойной жизни. Презентации – публикации – престижные гранты – скромные, но со вкусом пальто и авто на выходе. Да почему именно пальто и авто, разве ради них дело затевалось? В XXI веке никто не может войти в интеллектуальную элиту просто по факту интеллектуального превосходства. За удостоверение принадлежности к интеллектуальной элите, как и любое

другое удостоверение, нужно платить. Душой или нервами – что найдётся. Потом покупаешь антидепрессанты. Если ничто не мешает, идти в ногу со временем легко и необременительно.

Как-то приятель, в прошлом однокашник, а теперь тоже доцент примерно того же качества, предложил ему написать в соавторстве роман. (В последние годы писать романы вновь стало социально выгодно). Вот только о чём?

– Ну, нужно писать о том, что знаешь.

– Ты спятил, Саша, – сердито сказал однокашник. – Кому нужно то, что знаем мы?

– А кому нужно, если такие, как мы, напишут о высокотехнологичном наздаке?

– А это что такое?

– Первое, что в голову пришло. Поток сознания.

– А что, попробуй поток сознания. Только подробненько, подробненько.

Вечером Саша сел и написал:

«Я не могу писать подробно. У меня камень на душе. Я не знаю, что о себе рассказать».

– А что, неплохо, – сказал однокашник. – Определённая энергия есть. Ну, знаешь, вся эта тема с потерянными поколениями. Теперь рассказывай по порядку и с трупами. Хотя нет, трупы я обеспечу сам. Ты будешь отвечать за стиль и чувства.

«Какие чувства, – подумал Саша, – какой стиль». И сказал: «Ладно». Он говорил «ладно» в ответ на любое предложение подзаработать. Один раз откажешься – во второй не предложат.

Вывернув на одну из двух центральных улиц Филькина, чистенькую и даже нарядную, сплошь

в приземистых особнячках (свежие пастельные цвета и новые рамы удостоверяли, что особнячки перешли наконец в надёжные руки), Саша чудом не налетел на рыжеватого такого блондина, с коротким прямым носом, совершенно эсэсовского типа. Тот стоял посреди тротуара, опираясь на трость с серебряной ручкой, и говорил по мобильному телефону: нездешний человек в пиджаке, джинсах и высоких сапогах. Из незастёгнутой сумки с ремнём через плечо выглядывал край ноутбука. Помимо сапог, Сашу особенно поразил шоколадно-коричневый шарф, без узла замотанный на шее поверх явно хорошего твидового пиджака, и то, что блондин держал телефон, не сняв перчатки – и само наличие перчаток. Чёрные очки, не столь уж необходимые по погоде, идеально довершали облик.

– Иду как вода, на ощупь, – терпеливо и насмешливо говорил блондин. – Что? Ещё нет, осмотреться хотел... Хорошо, схожу. Сыграю зайчика.

«Тебе б офицеров СС играть», – подумал Саша, проходя.

А блондин посмотрел ему вслед, оценил, каталогизировал, на всякий случай запомнил и пошёл своей дорогой. Через пару минут, останавливаясь на перекрёстке, он мягко и ловко уцепил за локоть мимоидущую девушку.

– Как пройти в библиотеку?

– Да никак. Не надо тебе туда идти.

Девушка смотрела в упор, погрузив руки в карманы широченных штанов.

– Мне бы вообще-то Wi-Fi. Может, здесь есть интернет-кафе?

– У нас всё есть. Даже медведи.

- Какие медведи?
- Которые по улицам ходят. Вы, московские, совсем оборзели. В Россию приезжаете как из-за границы.
- Да, – сказал блондин. – Что, так заметно, что с Масквы?
- Ты сам-то как думаешь?
- Думаю, что идёт ассимиляция. Я здесь уже целых два дня.

Пока девушка думает, стоит ли комментировать наглую шутку – шутка ли это вообще, кто знает московских, – из-за поворота без помпы выруливает убитая «копейка». Из «копейки» выскочили и метнулись под вывеску «Алмаз. Ювелирный салон». Резкие парни с их кожаными куртками, тёплыми трениками и ржавым отечественным автопромом были неотличимы от мелкой шпаны, провинциальных налётчиков.

- Опять экс.
- Так, – сказал блондин. – 90-е всегда с нами.
- Ну какие ещё 90-е, говорю тебе, экспроприация. Это не бандиты, а межпартийная БО. Боевая организация.
- Из каких же партий?
- Эсеры, анархисты, максималисты... Я в них не разбираюсь.

«И не одна ты», следовало сказать. При составлении чёрных списков на бумагу полезли не только тайные личные страхи составителей, но и их невежество, подкреплённое непрофессионализмом и ленью недобровольных помощников. Даже референту из президентской администрации достанет

смекалки поставить звёздочку рядом с именами Троцкого, Ежова и Л. П. Берии, но сотни и тысячи других имён, безобидная, беспомощная типографская краска – кто ж знал! А как было проверить? – встали людьми, в багаже у которых, помимо наркомовской пули, лежали царские тюрьмы и каторга, подполье, опыт войн и разведработы, умение рисковать и приходить друг другу на помощь. Референты не думали, что это важно: не путать левую оппозицию с правой, Зиновьева с Бухариным или вникать в расцветку эсеров. Слово тем более привычное... ну и получилось, как с пушкой и единорогом: только опыты доказали, что «Справедливая Россия» – это одно, а Партия социалистов-революционеров – совсем другое.

(Но как, вообще говоря, жить референтам? У каждого референта есть своё горе: невыплаченный кредит, неудачные грудь и зубы, старушка-мама. Они не хотят дурного. Они не знают, например, что Агранов до ВКП(б) состоял в ПСР, что Ягода был анархистом-коммунистом и поддерживал контакты с эсерами, что ВЧК на треть состояла из левых эсеров, и даже в 1934-м в высшем руководстве НКВД насчитывалось тридцать человек (31%) лиц с некоммунистическим прошлым: ПСР, анархисты, левые эсеры, меньшевики. (Ежов и Берия это исправят.) Референты не знают, а если б вдруг и знали, то не умели бы пристроить это знание к жизни... но, возможно, каким-то боком виноват и тот, кто пять или десять лет назад читал им лекции и ставил зачёты? Да. Нет. Тот, кто ставит зачёты, никогда ни в чём не виноват.) Додумались внести в список Савинкова – ну и слава Богу, Бориса Савинкова Россия

XXI века не потянула бы, – но проморгали десятки рядовых боевиков: от самых известных, храбрых, удачливых отшатнулась в страхе даже постсоветская реабилитация. Да нужно ли было быть семи пядей во лбу, чтобы предсказать, что они сделают, оказавшись в стране, которую вновь очевидно и отвратительно подмял под себя настоящий, невыдуманный, общий для всех классовый враг.

– Да. Насилие – вещь позитивная.

– Как у тебя всё просто.

– Я и сам простой.

– Это мэра нашего магазин. Деньги с наркотиков через него отмывает. Если повезло ребятам, сейчас на выходе будут в воздух стрелять.

– А если не повезло, то по зевакам.

С этими словами он схватил её за руку и поволок... невесело бежать на хромой ноге, в одной руке палка, в другой – красotka в среднем весе... поволок за угол и прочь, и за их спинами вскоре действительно раздались выстрелы.

Остановились отдышаться.

– Как тебя зовут?

– Марья Петровна.

Блондин, который был чуть не вдвое старше нахальной девчонки, улыбнулся.

– Ты не похожа на Марию Петровну. Ты похожа на Машу. Извини.

– Может быть, назовёшь своё имя?

– Олег Георгиевич.

Он перехватил её смутно озадаченный взгляд и снял перчатку. На левой руке не хватало двух пальцев: мизинца и безымянного.

- И нога повреждена, – сказала Марья Петровна.
- И нога.
- Это был взрыв?
- Нет. Что-то не слышу сирен родной милиции.
- Приедут. Попозже.
- Неужели в доле?
- Не в этом смысле. Много сочувствующих.
- Чему?
- Ну как это «чему»? Делу революции. Ты что же, решил, что эти деньги на водку и яхты пойдут? На сапоги от...
- От Prada. А на что ещё можно потратиться?
- На оружие, типографию, организационную работу.
- На выбора́...
- Не нужны таким выбора́. Это нелегальные, не-парламентские партии.
- Наконец-то.
- ...Ладно, Олег Георгиевич. Бывай.
- А телефончик?
- Моей сестре парень назначил свидание на вечер, – сказала Марья Петровна. – А за день они то там, то здесь раз пять столкнулись, знаешь, как бывает: в магазине, на площади... Так что вечером она ни на какое свидание не пошла. Её уже от этого парня реально тошнило. Мораль: здесь Филькин. Хочешь не хочешь, теперь сто раз увидимся.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА